

Е.Н. ГОРБАЧЕВА
(Астрахань)

**ПЕРФОРМАТИВНЫЕ
ХАРАКТЕРИСТИКИ
АДВОКАТСКОЙ РЕЧИ
(на материале англоязычных
текстов)**

Рассматриваются перформативные характеристики адвокатской речи, представленные в тактике оправдания подзащитного, предполагающей апелляцию как к определенным ценностям, так и антиценностям.

Ключевые слова: *адвокатская речь, перформативное действие, перформативный дискурс, тактика оправдания, апелляция к ценностям / антиценностям.*

Адвокатская речь является частью юридического дискурса, точнее судебного. Одной из функций юридического дискурса является перформативная функция, которая выражается в коммуникативных практиках, организующих мир права и сопровождающих его символические структуры: символические действия и словесные формулы, воспринимающиеся как публичные свидетельства сторон и обладающие юридической силой [6, с. 536, 538]. Различные юридические акты – это перформативные действия, т.е. действия посредством высказывания [5]: заключение сделки, вынесение судебного приговора, взыскание штрафа и т.д.

Однако мы считаем возможным говорить в рамках юридического дискурса не только о перформативных действиях, но и о перформативном дискурсе, противопоставляя понятия «перформативное действие – перформативный дискурс» на основе диады «действие – поступок». Если действие – это процесс, подчиненный сознательной цели [2, с. 276], то под поступком понимается более сложная в психологическом плане категория: поступок – это ценностно нагруженное действие, личностно обусловленное волевое принятие решений, т.е. специфическая ситуация, в которой субъект осуществляет ответственный выбор из альтернатив [4; 3, с. 282; 1, с. 173–174]. Категория по-

ступка, таким образом, тесно связана с понятиями «воля», «выбор» и «ответственность».

В связи с этим перформативный дискурс можно определить как дискурс, который представляет собой текст в ситуации личностно обусловленного волевого принятия решений и осуществления ответственного альтернативного выбора и актуализирует смысл реального общения посредством ценностно нагруженно-коммуникативного действия.

Ярким примером такого дискурса представляется адвокатская речь. Возможность осуществления перформативного дискурса адвокатом обусловлена, на наш взгляд, функциями адвоката, которые в терминологии А.А. Солдатовой называются базовыми стратегиями адвоката: *контролирующей стратегией* (защитник осуществляет контроль за соблюдением принципов правосудия и предупреждает незаконные действия или решения органа, осуществляющего расследование), *стратегией состязательности* (адвокат отстаивает права подзащитного) и *стратегией социально-психологической поддержки* (защитник занимается восстановлением индивидуальных и личностных качеств обвиняемого, с тем чтобы тот мог самостоятельно справиться с обращенными к нему социальными требованиями и воздерживался от любых форм отклоняющего поведения) [7].

Рассмотрим, к каким ценностям / антиценностям апеллирует адвокат, прибегая к тактике оправдания подзащитного – специализированной тактике защиты. В «Толковом словаре русского языка» Д.Н. Ушакова приводятся следующие определения глагола *оправдать* с управлением *кого-что*: 1) признать правым, поступившим правильно; 2) признать невиновным, не заслуживающим наказания, кары; 3) признать при известных условиях допустимым, возможным, счесть извинительным, заслуживающим снисходительного отношения [8].

Тактику оправдания подзащитного как признания его правоты и правильности поступка (1-е значение глагола *оправдать*) находим в речи адвоката, подзащитным которого является редактор журнала “Hustler”, напечатавший рекламу с изображением Джерри Фал-

велла, основателя одной влиятельной политической группы, нашедшего в ней подрывающий его репутацию контекст: *Isaacman: Hustler has every right to say that somebody who's out there campaigning against it, saying don't read our magazine, and we're poison on the minds of America, and don't engage in sex outside of wedlock, and don't drink alcohol – Hustler has every right to say that <...>. And that's what this ad parody says. And the first part of the ad parody does – it puts him in a ridiculous setting. Instead of Jerry Falwell speaking from the television with a beatific look on his face and the warmth that comes out of him, and the sincerity in his voice – and he is a terrific communicator – and he's standing on a pulpit, and he may have a Bible in his hand – instead of that situation, Hustler is saying, "Let's deflate this stuffed shirt, let's bring him down to our level, or at least to the level where he will listen to what we have to say (Hustler Magazine, Inc. v. Falwell).*

Адвокат явно оправдывает поступок редактора. Он заявляет это прямо (*Hustler has every right to say that*), провозглашая тем самым ценность свободы слова. Адвокат одобряет стремление редактора журнала разоблачить Фалвелла. Интерпретируя посыл редактора, адвокат использует метафорический перифраз (*Let's deflate this stuffed shirt*), анафорическую параллельную конструкцию (*Let's deflate, let's bring*) и анадиплозис (...*to our level, or at least to the level...*). Кроме того, адвокат косвенно оправдывает своего подзащитного, критикуя Дж. Фалвелла посредством иронии (*Instead of Jerry Falwell speaking from the television with a beatific look on his face and the warmth that comes out of him, and the sincerity in his voice – and he is a terrific communicator – and he's standing on a pulpit, and he may have a Bible in his hand*).

Нам представляется, что тактика оправдания подзащитного может быть направлена и на признание его поступка допустимым и возможным при известных обстоятельствах, заслуживающим снисходительного отношения (в этом случае глагол *оправдать* выступает в 3-м значении).

Тактика оправдания подзащитного с этой точки зрения является, на наш взгляд, одной из главных в речи адвоката Белнепа в романе Т. Драйзера «Американская трагедия». Одним из способов реализации данной тактики является выявление слабых сторон характера подзащитного, его моральной незрелости: *Gentlemen of the jury, the individual who is on trial here for his life is a mental as well as a moral coward – no more and no less – not a down-*

right, hardhearted criminal by any means. Not unlike many men in critical situations, he is a victim of a mental and moral fear complex. Why, no one as yet has been quite able to explain. We all have one secret bugbear or fear. And it is these two qualities, and no others, that have placed him in the dangerous position in which he now finds himself. It was cowardice, gentlemen – fear of a rule of the factory of which his uncle is the owner, as well as fear of his own word given to the officials above him, that caused him first to conceal the fact that he was interested in the pretty country girl who had come to work for him. And later, to conceal the fact that he was going with her.

В данном примере Белнеп оправдывает своего подзащитного тем, что тот является моральным трусом, а не жестоким преступником (антитеза *mental as well as a moral coward – no more and no less – not a downright, hardhearted criminal by any means* употребляется здесь, чтобы показать, что в сравнении с жестоким преступлением малодушие не так чудовищно, как кажется). Адвокат проводит параллель между трусливым поведением Клайда и аналогичным поведением многих других людей в критических ситуациях (*Not unlike many men in critical situations, he is a victim of a mental and moral fear complex*), пытаясь даже вызвать жалость к ним, поскольку они становятся жертвами собственных страхов, своих комплексов (намекая, по-видимому, на отсутствие их вины в этом). Белнеп даже прибегает к тактике солидаризации, отождествления и себя в том числе с такими людьми (*We all have one secret bugbear or fear*).

Чтобы убедить присяжных, что Клайд не виноват в собственной трусости, адвокат использует эмфатические конструкции в двух предложениях: *And it is these two qualities, and no others, that have placed him in the dangerous position in which he now finds himself. It was cowardice, gentlemen – fear of a rule of the factory of which his uncle is the owner, as well as fear of his own word given to the officials above him, that caused him first to conceal the fact that he was interested in the pretty country girl who had come to work for him. And later, to conceal the fact that he was going with her.* Благодаря лексическому повтору слова *fear*, морфологическому повтору *coward* и *cowardice*, а также параллельной анафорической конструкции *fear of a rule, fear of his own word* в речи адвоката происходит апелляция к антиценностям (трусость, малодушие), которые определяют жизненные принципы подзащитного, хотя и не имеют прямого отношения к преступлению, в котором его обвиняют.

Тактика оправдания может реализовываться посредством описания глубокого чувства, подтолкнувшего подзащитного поступить так, а не иначе. Адвокат Белнеп делает акцент на сильном любовном чувстве, которое Клайд испытывал к мисс Х: *The prosecution charges, and we admit that such is the fact, that he had been so completely ensnared by this Miss X, and she by him, that he was willing and eager to forsake this first love who had given herself to him, for one who, because of her beauty and her wealth, seemed so much more desirable – even as to Roberta Alden he seemed more desirable than others. And if she erred as to him – as plainly she did – might not – might not he have erred eventually in his infatuated following of one who in the ultimate – who can say? – might not have cared so much for him. At any rate, one of his strongest fear thoughts at this time, as he himself has confessed to us, his counsel, was that if this Miss X learned that he had been up there with this other girl of whom she had not even so much as heard, well then, it would mean the end of her regard for him.* Для описания сильного чувства, которое Клайд Гриффитс испытывал к мисс Х и которое, по убеждению Белнепа, должно послужить ему оправданием, адвокат использует ряд приемов: метафору (*he had been so completely ensnared by this Miss X*) с интенсификатором *completely*; лексемы, передающие семантику сильного желания и чувства влюбленности (*willing and eager, infatuated*), повтор прилагательного *desirable* в сравнительной степени (проводится параллель между чувством Клайда к мисс Х и аналогичным чувством Роберты к Клайду). Еще одна параллель между чувствами Клайда и Роберты проводится с помощью вопросительного предложения в сослагательном наклонении с использованием модального глагола *might* и смыслового глагола *err*, передающего семантику заблуждения. Адвокат, таким образом, ставит вопрос: если Роберта ошибалась в отношении Клайда, то почему и он не мог ошибаться в отношении мисс Х? Другими словами, его заблуждение также может служить ему извинением. Риторический вопрос (*who can say?*), встроенный в структуру этого предложения-предположения, звучит как намек на то, что никто не имеет права осуждать молодого человека за его ошибку. Далее адвокат снова говорит о страхе Клайда – страхе потерять расположение мисс Х. Этот страх описан как самый сильный из всех его страхов с помощью прилагательного в превосходной степени (*his strongest fear thoughts*).

Еще одним способом реализации тактики оправдания подзащитного является пози-

ционирование его как жертвы обстоятельств: *“Mind you, I am not seeking to flout or belittle or reflect in any way on this poor, dead girl. I am simply stating, as a matter of fact and of law, that this boy was not formally engaged to this dead girl. He had not given her his word beforehand that he would marry her . . . Never! There is no proof. You must give him the benefit of that. And only because of her condition, for which we admit he was responsible, he came forward with an agreement to marry her, in case . . . in case”* (and here he paused and rested on the phrase), *“she was not willing to release him. And since she was not willing to release him, as her various letters read here show, that agreement, on pain of a public exposure in Lycurgus, becomes, in the eyes and words of the district attorney, an engagement, and not only that but a sacred engagement which no one but a scoundrel and a thief and a murderer would attempt to sever!”*

Адвокат Белнеп представляет подзащитного Клайда Гриффитса как жертву обстоятельств, утверждая, что тот не был официально помолвлен с Робертой Олден: он согласился жениться на ней, только если она не захочет отпустить его; она не хотела отпускать его, как это видно из писем, ему пришлось дать согласие под страхом разоблачения и огласки в Ликурге, и это данное им слово превратилось у прокурора в официальную помолвку, более того – в священное обязательство, которое нарушают лишь подлецы, воры и убийцы. Убедительность аргументов адвоката достигается посредством синонимического ряда слов и выражений с семантикой согласия жениться, создающего градацию: *not formally engaged – with an agreement to marry – an engagement – a sacred engagement*. С целью убеждения используются также апелляция к логике и здравому смыслу присяжных (*Mind you; You must give him the benefit of that*) и антитеза (***I am not seeking to flout or belittle or reflect in any way on this poor, dead girl. I am simply stating...***). Эмоциональность речи придают следующие приемы: восклицательные предложения, в том числе эллиптическое (*Never! And since she was not willing to release him <...> which no one but a scoundrel and a thief and a murderer would attempt to sever!*), перечисление лексем с семантикой ‘преступник’ в сочетании с фразеологическим оборотом *to sever a sacred engagement* в составе эмфатической конструкции *no one but*.

Итак, речь адвоката представляет собой перформативный дискурс, поскольку разворачивается в ситуации лично обусловленного волевого и ответственного решения отстаивать права подзащитного. В тактике оправда-

ния адвокат может апеллировать к таким ценностям, как свобода слова, любовь, здравый смысл. Апелляция к антиценностям (малодушие, моральная незрелость, трусость) направлена на признание поступка подзащитного допустимым и возможным при известных обстоятельствах и поэтому заслуживающим снисходительного отношения.

Литература

1. Корнилова Т.В. Мотивационная регуляция принятия решений: современные представления // Современная психология мотивации / под ред. Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2002. С. 171–213.
2. Леонтьев А.Н. Категория деятельности в психологии // Хрестоматия по курсу «Введение в психологию»: учеб. пособие / ред.-сост. Е.Е. Соколова. М.: Рос. психол. о-во, 1999. С. 265–280.
3. Леонтьев А.Н. Основные процессы психической жизни // Хрестоматия по курсу «Введение в психологию»: учеб. пособие / ред.-сост. Е.Е. Соколова. М.: Рос. психол. о-во, 1999. С. 281–283.
4. Леонтьев Д.А. К психологии поступка. URL : <http://www.existradi.ru>.
5. Остин Дж. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17 : Теория речевых актов. М., 1986. С. 22–130.
6. Палашевская И.В. Функции юридического дискурса и действия его участников // Изв. Самар. науч. центра Рос. акад. наук. 2010. Т.12. №5(2). С. 535–540.
7. Солдатова А.А. Речевые стратегии и тактики адвокатского дискурса в уголовных процессах : автореф. ... дис. канд. филол. наук. Тверь, 2013.
8. Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова. М.: ТЕРРА, 1996.
9. Hustler Magazine, Inc. v. Falwell // The First Amendment : Transcripts of the oral arguments made before the Supreme Court. N. Y., 1997.
10. Dreiser T. An American Tragedy. URL : <http://royallib.ru>.

Performative characteristics of lawyer's speech (based on the English language speech)

There are considered the performative characteristics of lawyer's speech represented in the tactics of acquittal of a client, which presupposes the appeal both to particular values and to antivalues.

Key words: *lawyer's speech, performative act, performative discourse, tactics of acquittal, appeal to values / antivalues.*

Д.С. ХРАМЧЕНКО
(Тула)

КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ ПИСЬМЕННОГО ДЕЛОВОГО ДИСКУРСА В УСЛОВИЯХ ДЕКОНВЕНЦИОНАЛИЗАЦИИ АНГЛОЯЗЫЧНОГО БИЗНЕС-ОБЩЕНИЯ: ФУНКЦИОНАЛЬНО-СИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Дается функционально-синергетический анализ тактической хаотизации английского делового дискурса как тенденции в развитии современной деконвенционализированной бизнес-коммуникации.

Ключевые слова: коммуникативные стратегии, коммуникативная тактика, лингвосинергетика, деловой дискурс, прагматика, функциональная лингвистика.

Анализ образцов письменного англоязычного бизнес-общения за последние несколько десятилетий свидетельствует о важных трансформационных процессах, протекающих в данной институциональной сфере. Намечившиеся тенденции к отходу от конвенциональных коммуникативных норм и нарушению незыблемых ранее установок и правил вербального поведения обусловили важность и необходимость поиска адекватной методологической базы для проведения всестороннего исследования данной комплексной проблемы. Несомненный интерес представляет рассмотрение динамики эволюционных изменений прагма-семантического пространства английского делового дискурса с позиций функциональной лингвосинергетики – нового широко развиваемого направления в языкознании, занимающегося изучением процессов самоорганизации в сложной открытой нелинейной системе смыслов дискурса, в которой под воздействием внешней среды (сознания участников общения и коммуникативной ситуации) и внутренних процессов возникают случайные функциональные колебания (в терминах лингвосинергетики – флуктуации). В качестве реакции на отклонение от равновесного состояния в системе начинают проявляться спонтанные эмерджентные свойства, способствующие продвижению дискурса к наиболее упорядоченной точке системы – функциональному аттрактору (коммуникативной цели) – и пе-